

⁵ См. подробнее: Злочевская А. Достоевский и Набоков // Достоевский и мировая культура: Альманах. М., 1996. № 7. С. 72—95.

⁶ См.: Picon G. Malraux par lui-meme. Paris, 1956. P. 38. См. также: Mathewson R. W., jr. Dostoevskij and Malraux. The Hague; Vouton, 1958. P. 13—14.

Л. З. КОПЕЛЕВ

ДОСТОЕВСКИЙ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ГЕНРИХА БЁЛЛЯ

Тезисы сообщения¹

Публикация В. Н. Абросимовой

1. Г. Бёлл впервые прочитал собрание сочинений Достоевского семнадцати-восемнадцатилетним гимназистом в 1934—1935 годах. Он был единственным в классе, кто не вступил в «гитлерюгенд», объяснив отказ католической набожностью, неспособностью к строевым занятиям и отвращением к любым униформам. В упорстве юношеского сопротивления сказалось разумное влияние семьи. Но именно этому влиянию оказались сродни книги Достоевского. Они привлекали его на первых порах почти с необъяснимой властной силой. Он снова и снова перечитывал «Преступление и наказание», «Идиота», «Подростка», «Записки из подполья», «Братьев Карамазовых». Это стало необходимостью. Эти книги он носил в солдатском ранце в годы войны. Сперва казалось: они помогут понять Россию; с годами убеждался: без них не разобраться в себе самом, во всей непосредственно окружавшей действительности.

2. Мир Достоевского был безмерно далек от мира молодого Бёлля — приказчика книжной лавки, студента, солдата вермахта, снова студента, начинающего литератора... Россия XIX в., тусклый быт старого Петербурга и провинциального захолустья, странные люди, мучительно трудно жившие, метавшиеся, страдавшие в совсем иных условиях, казалось бы, ничем не могли быть связаны и даже просто несопоставимы с его соотечественниками-современниками.

Но уже в первой книге Бёлля «Поезд придет вовремя» (1949) встреча героя — молодого солдата, обреченного на гибель, с польской девушкой в публичном доме и вся почти мистическая история их внезапной любви освещены прямым отражением того света, который излучает любовь Раскольникова и Сони. Эпиграфом к первой

¹ Машинописная копия с авторской правкой. Доклад был прочитан 25 ноября 1975 года. Хранится: РГАЛИ, ф. 2549, оп. 3, ед. хр. 49, л. 1—4. Все тексты Г. Бёлля даны в переводе Л. З. Копелева.

книге Бёлля могли бы служить строки из эпилога «Преступления и наказания»: «Их воскресила любовь. Сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого».

3. Такие непосредственные отзвуки произведений Достоевского можно проследить и в некоторых других книгах Бёлля. Воскрешающая сила любви не могла предотвратить гибели героев в первой повести и в первом романе «Где ты был, Адам?» (1950), но такая же сила, олицетворенная в кроткой, смиренной и неутомимо жизнедеятельной женщине, спасает ее мужа, ее семью в романе «И не сказал ни единого слова» (1953).

Анри Плар — исследователь творчества Бёлля — убедительно доказывает, что судьбы детей во многих рассказах и романах Бёлля (например, «Дом без хозяина», 1954) непосредственно восходят к представлениям Достоевского, для которого именно страдания ребенка — это самое страшное, самое сокрушительное обличение бессмысленной жестокости мира. А в повести «Хлеб ранних лет» (1955) тот же исследователь видит, как «напоминающая о Достоевском тема спасительной нежности воплощена более однозначно, чем когда-либо ранее».

Ганс Шнир — печальный лирический герой «Взглядов клоуна» («Глазами клоуна». — В. А.) (1963) — нередко заставляет вспомнить о князе Мышкине; многие персонажи «Группового портрета с дамой» (1970) говорят о Достоевском и поступают «по Достоевскому».

Но такие непосредственные отражения, прямые влияния представляют лишь наиболее явственную, но отнюдь не наиболее значительную часть того воздействия, которое Достоевский оказывал и продолжает оказывать на мировоззрение, мировосприятие и поэтику Генриха Бёлля.

4. Бёлль неоднократно по разным поводам говорил и писал о Достоевском.

В статье «В защиту кухонь-прачечных» (1959), отстаивая свое право и долг писать о «маленьких людях», Бёлль возражал и брезгливым эстетам, и высокомерным обличителям «мелкотемья»:

«Что такое маленькие люди? Я не различаю величин людей так же, как дальтоницы не различают цвета... По-моему, величие — это понятие, не зависящее от социального положения, так же как от него не зависят боль или радость... У некоторых романов Достоевского чертовски неприятные названия: „Бедные люди“, „Униженные и оскорбленные“, а если приглядеться к той среде, в которой действует некто Родион Раскольников или даже князь по фамилии Мышкин, это, пожалуй, может вызвать возмущение... и Достоевского надо бы упрекнуть за то, что он не обращался к более изысканным кругам общества».

В 1965—1967 годах Бёлль писал сценарий телефильма «Достоевский и Петербург». В одном из писем он утверждал, что это должен быть фильм не о Петербурге, не о Ленинграде и не о Достоевском, а

об оптике Достоевского, о том, как он видел этот город в своих произведениях.

Работая над этим сценарием, Бёлль заново перечитал все, опубликованное на немецком и английском из произведений Достоевского; с ним вместе стали читать его жена и сыновья. Он приезжал с ними в Москву и в Ленинград, он работал в музеях Достоевского; вместе с внуком писателя, А. Ф. Достоевским, ходил по улицам, заходил в дома, описанные в «Преступлении и наказании», в «Записках из подполья». В эти годы Бёлль особенно много разговаривал о Достоевском с читателями, литераторами и просто случайными собеседниками...

Фильм был снят в 1967 году. Отрывки из книг Достоевского звучали на фоне движущихся и статичных снимков Ленинграда—Петербурга, людей, интерьеров, книжных иллюстраций. Тексты Достоевского чередовались с комментариями — конкретными рассказами о событиях его жизни и размышлениями Бёлля:

«Тема, которая сегодня представляется модной: отдельный человек и общество, была более ста лет тому назад, когда появился роман „Преступление и наказание“, темой пророка-писателя. Страдания одинокого человека из-за общества и страдания общества из-за одиночки — в этом тематика петербургских романов и рассказов Достоевского. Он был первым русским писателем, который сделал большой город предметом литературы, кто принял в художественную литературу униженных и оскорбленных, страдальцев того нового общества, которое тогда только возникало. Он открыл в больших городах XIX века новый, только еще образовывавшийся слой маленьких людей и дал им это звание, как дворянский титул.

...Все его творчество можно бы пометить девизом: действительно только страдание.

...В его романах нашло выражение все, что возможно, из проявлений в широких пределах между полюсами глубокой набожности и абсолютного нигилизма. Он, писатель XIX в., предвосхитил все великие темы нашего времени. В „Бесах“ он с поразительной точностью предсказал технологию и идеологию человекоубийств, которые лишь в XX веке развернулись во всей бесчеловечной жестокости и бессмысленности. Достоевский-романист предвосхитил экзистенциализм, литературу абсурда и страха, и все это он совершил, как христианин. Он, как писатель, никогда не укрывался в заданные или придуманные убежища порядка, он отдавал себя и своих персонажей действительности. Он всегда был словно в пути, и как проезжий путник воспринимал он мгновение и вечность, жизнь и смерть, горечь безнадежности преходящего. Ничто не казалось ему более подозрительным, чем здоровые люди; и он противопоставлял им не больных, а страдающих. Достоевский не устанавливал, не знал, временно ли их страдание, не приведет ли оно — если вытерпеть абсурдную вре-

менность — к вечности, он не предлагал никаких решений, пригодных для катехизиса, он предлагал только мысли, размышления, сравнения и действительность созданных им образов, тех людей, которые все страдали в пространстве между небом и землей...

...Мышкин — это самая дерзновенная попытка воплотить Христа как страдающего и сострадающего литературного героя. Он вне времен и все же в своем конкретном времени, он — воплощение чувства реальности и далек от мира сего. Мышкин — это попытка невероятно дерзновенная и исполненная риска».

В послесловии к массовому изданию «Войны и мира» (1970), проникновенно и влюбленно истолковывая немецким читателям роман Толстого, он снова и снова обращался к Достоевскому: «Полвека спустя после революции, в год столетия Ленина, есть много свидетельств тому, что хотя время Толстого, Пушкина, Гоголя отнюдь не прошло, но время Достоевского только начинается. Та необычайная благодарность и почитание, с какими воспринимают литературу в СССР, приводит к тому, что хотя никто никого не оттесняет, но Достоевскому воздается нечто упущенное.

Кто более русский: Толстой или Достоевский? Трудно найти более далеких друг от друга писателей. Разве По более американец, чем Джек Лондон? Или Гёльдерлин больше немец, чем Гейне?.. Если коротко говорить, Толстой — это писатель сельской России, а Достоевский — писатель большого города... Земная религиозность Толстого и метафизическая религиозность Достоевского передо мной, и я не знаю, которую выбрать. Я принимаю их вместе с Пушкиным, Гоголем, Лермонтовым».

5. Достоевский стал необходим не только для художественного творчества Бёлля, но и для всего развития его взглядов на мир, на религиозные, нравственные проблемы. В таких выступлениях Бёлля, как например «Язык — прибежище свободы» (1958), «Овцы и волки» (1959), уже упоминавшаяся выше «Защита кухонь», «Франкфуртские лекции об искусстве» (1966) и др., утверждается его принцип единства нравственных и художественных целей. Совесть для него — категория также и эстетическая. Возникшее в его публицистике понятие «эстетика человечности» или «поэтика человечности» (гуманности) стало общепризнанным вкладом Бёлля в современную мировую литературу.

Развитие критериев бёллевской «поэтики человечности» непосредственно связано с его восприятием русской литературы, прежде всего — Толстого и Достоевского. Бёльль — глубоко религиозный католик. Однако именно в авторе «Великого инквизитора» он видит своего наставника и вдохновителя. Гуманная терпимость — одна из решающих основ и общественных взглядов, и художественной практики Бёлля в ряду других источников связана и с идеалами, олицетворенными в Ипполите, Мышкине и в Алеше Карамазове. Неумо-

лимая правдивость Бёлля — художника и публициста, допускающая и скепсис, и даже такую иронию, которая иным доктринерам представляется кощунственной, атеистической даже, но исключаящей фанатизм, включает и тот художественный опыт, который воплощен, например, в прижизненной и посмертной судьбе старца Зосимы.

6. Сто лет тому назад был опубликован роман «Подросток» — через четыре года после «Бесов». И в нем нашли выражение такие же, отчасти и те же, мучительные сомнения Достоевского, его размышления о судьбах России, о вере и неверии. В этом романе устами Версилова высказаны те мысли, которые Достоевский позднее будет развивать в Пушкинской речи, которые прозвучали в страстных признаниях Ивана Карамазова: «Один лишь русский... получил уже способность становиться наиболее русским именно тогда, когда он наиболее европеец. Это и есть самое существенное национальное различие наше от всех... Я во Франции — француз, с немцами — немец, с древним греком — грек, и тем самым наиболее русский... Русскому Европа так же драгоценна, как Россия, каждый камень в ней мил и дорог».

И тот же Версилов — глубоко противоречивый, но именно потому такой близкий автору герой (куда более близкий, чем его идеальный антагонист Макар Долгорукий), — произносит поразительную хвалу атеизму, который может принести людям необычайное торжество взаимной любви и нежности.

Все такие мысли Достоевского — сомнения в большей мере, чем утверждения, и трудные искания в большей мере, чем обретенные выводы, — существенно важны для многих перипетий развития общественно-исторического, богословского и моралистического мышления Бёлля, который в нескольких статьях, письмах, интервью и т. п. в последние годы высказывал такие «неканонические» и, по отзывам иных его католических критиков, «греховно-еретические» суждения, как например: «Бог несовершенен, пока несовершенны люди»; «до сих пор еще не было нигде настоящего христианства»; «Понятие Бога — это пустынная каменистая планета, на которую веками сбрасывали окаменевшие иллюзии и надежды», и т. д. и т. п.

7. Г. Бёлл не подражает Достоевскому, не повторяет и не «продолжает» его идей, творческих приемов. Он — большой самобытный немецкий художник XX в., и его мировоззрение и творчество выростали прежде всего на почве немецкой действительности, немецких культурно-исторических традиций (его непосредственные литературные учителя: Клейст, Гебел Шрифтер, Гёльдерлин, Кафка и др.). Однако воздействие Достоевского (столько же духовное, идейное, нравственное, сколь и эстетическое) он испытывал с юности; воспринимал его благодарно и плодотворно. И среди множества источников и «притоков», продолжающих постоянно питать широкий поток его мышления и творчества, наследство Достоевского — один из самых значительных, неиссякаемых родников.